

Цзи Хуайчжэнь так разволновался вовсе не из-за того, что Лу Сяоцзя увидел лицо Бай Сюэ в Павильоне Увядших Ароматов. Его тревожило иное: Даос Цзэн, его учитель, ни за что не смог бы ступить на порог этого заведения без чьего-то влиятельного покровительства.

При этой мысли Хуайчжэнь резким движением разбил чайное блюдце. Смешав осколки фарфора с принесённым горячим углём, он принялся яростно растирать их кинжалом, превращая в крошево.

— Знаешь, почему я велел привязать тебя именно так — вверх ногами? — с ласковой улыбкой поинтересовался он у пленника.

Лу Сяоцзя, висящий на столбе кровати, побагровел от прилившей к голове крови. Увидев приближающегося Хуайчжэня, он лишь в ужасе замотал головой.

— Я засыплю это тебе в рот. Уголь горячий, осколки острые — они изрежут тебе всё горло. Любой на твоём месте захочет сглотнуть или вдохнуть поглубже, но ты привязан вниз головой. Ты ничего не сможешь проглотить, тебе останется лишь судорожно разевать рот, пока боль не сведёт тебя с ума.

— Господин! Я всё скажу! Клянусь, ничего не утаю!

Цзи Хуайчжэнь поднёс пышущую жаром смесь к самому лицу Лу Сяоцзя и ледяным тоном скомандовал:

— Выкладывай всё, что знаешь. Да смотри не подавись.

Даоса не пришлось уговаривать дважды. Почуввав близость неминуемой расправы, он принялся изливать признания, сдавая своего учителя со всеми потрохами.

Оказалось, ещё год назад Даос Цзэн вместе с Лу Сяоцзя и другими учениками тайно отправился в Шанцзин на встречу с Даосом Чжаном. Тот самый Чжан, оказавшись под крылом Цзи Хуайчжэня два года назад, быстро привык к роскошной жизни. Не зная меры в тратах и желая пустить пыль в глаза собратьям по ордену, он и повёл их в Павильон Увядших Ароматов.

Хотя Чжан и был тем самым человеком, которого Хуайчжэнь лично выбрал, чтобы подослать к императору, сам Цзи по натуре был крайне подозрителен. Он никогда не раскрывал своим пешкам лишнего, а потому Даос Чжан и не подозревал, что прославленное заведение на самом деле — тайное гнездо Сяоциньтай. Он лишь видел, что семьи Цзи и Лу на людях ведут себя как непримиримые враги, и не догадывался о том, что за этой ширмой скрывается тесное и взаимовыгодное сотруничество.

Лу Сяоцзя рассказал, что наставник и его младший брат по ордену заперлись в комнате для важного разговора. Самого Сяоцзя лишь на миг впустили внутрь, дали взглянуть на листок с гороскопом и тут же выставили за дверь. После встречи учитель строго-настрого запретил ему упоминать об этом визите.

— Если дело было таким секретным, зачем Даосу Цзэну вообще понадобилось брать тебя с собой? — прищурился Хуайчжэнь. — По твоему болтливому языку не скажешь, что ты образец преданности.

Стоило Хуайчжэню припугнуть его ещё парой слов, как даос выложил правду.

— Это всё дела минувших лет, — заискивающе улыбнулся Лу Сяоцзя. — Учитель ценит мой талант, а потому берёт меня с собой повсюду.

Цзи Хуайчжэня до крайности раздражало, когда с ним пытались играть в загадки. Он сорвал с ноги пленника матерчатую туфлю и с силой приложил его ею по губам.

— Тот гороскоп, что давал тебе учитель... Ты его помнишь?

Лу Сяоцзя, едва не лишившийся чувств от удара, с трудом сфокусировал взгляд и продиктовал дату и час рождения. Стоило Хуайчжэню услышать их, как он понял — это были данные А Цюаня.

Он замер посреди комнаты с туфлей в руках, чувствуя, как по спине пробежал ледяной холод.

Полгода назад поползли слухи, будто четвёртый принц — земное воплощение Ли Эра. Эта молва, подобно лесному пожару, донеслась из Фэньчжоу до самого Шанцзина, вызвав немалый переполох при дворе. Прежде борьба за престол шла лишь между первым и третьим принцами, но беда в том, что о страсти императора к бессмертию и гаданиям знали все. А поскольку Цзи Ванься была императрицей Великой Ци, её род оказался под прицелом.

Мало того, семья Цзи изначально поддерживала третьего принца, но затем под началом Цзи Тинье неожиданно перевернулась на сторону первого. Теперь же в кулуарах поговаривали, что Хуайчжэнь метит выше — его род решил «открыть собственные двери».

В ту же секунду Даос Чжан стал в глазах молодого человека мертвецом. Одной команды было достаточно, чтобы Сяоцзиньтай в столице этой же ночью заставила его бесследно исчезнуть в недрах дворцовых стен. Но Цзи Хуайчжэнь решил пока оставить его в живых — нужно было выяснить, кто на самом деле дёргает за ниточки.

Очевидно, за всем этим стоял Лу Шии. Но он никак не мог взять в толк, как этот праведник умудрился проверить такое прямо у него под носом.

— Господин... господин... — Лу Сяоцзя скорчился от боли, одна его щека стремительно раздувалась. — Я всё рассказал... сжальтесь, снимите меня отсюда! Висеть так — сущая мука. Если ваша милость ещё гневается, можете ударить меня ещё хоть сто раз, только снимите!

Хуайчжэнь смерил его презрительным взглядом и вдруг произнёс:

— Похоже, по-настоящему опасен здесь не твой учитель, а ты сам.

Лу Сяоцзя скромно кивнул.

— Скажи мне, — вкрадчиво продолжил Цзи Хуайчжэнь, — в этой истории с перерождением Ли Эра сколько правды, а сколько вымысла?

— Гадал я, но слова говорил не я, — Лу Сяоцзя покачал головой, оставив хвостовство. — В том гороскопе, что мне дали, действительно сокрыт лик императора. Но хоть этот человек и велик духом, судьба его слаба. Если не оберегать его должным образом, боюсь, он лишь проложит путь другому, а сам канет в небытие.

Не дав ему договорить, Хуайчжэнь снова приложил его подошвой по лицу. Теперь щёки даоса стали одинаково багровыми и опухшими. Сплюнув кровь, Лу Сяоцзя посмотрел на него долгим, многозначительным взглядом:

— Не требуйте от судьбы того, чего в ней нет, господин.

Цзи Хуайчжэнь лишь сухо рассмеялся:

— Глядите-ка, какой прорицатель. Раз ты такой мастер предсказаний, может, скажешь — не умрёшь ли ты прямо сегодня?

— Я уже гадал на это. Мой час ещё не пришёл. Но раз уж я встретил господина, чья судьба переплетена с моей... — Лу Сяоцзя на мгновение замер, шевеля пальцами, словно что-то высчитывая, и вдруг лицо его исказилось: — Этого не может быть... Почему всё ещё через два года?

Поняв, что больше ничего путного от него не добьётся, Цзи Хуайчжэнь потерял интерес к допросу. Он швырнул туфлю на пол и направился к выходу.

— Запереть его, — распорядился он, обращаясь к приближённому. — Пустите слух в монастырь Цинъюань, посмотрим, придёт ли кто за ним. И немедленно отправьте весточку в Шанцзин.

Даос ещё долго кричал им вслед, заклиная беречь свою никчёмную жизнь и бежать при первой же опасности.

Цзи Хуайчжэнь пропустил эти вопли мимо ушей. Пройдя несколько шагов, он столкнулся за углом с Яньчи. Тот стоял, понурился, и заворожённо разглядывал кольцо, подаренное ему недавно.

Стоило Хуайчжэню подойти ближе, как Яньчи тут же вскинул взгляд. Его глаза остановились на воротнике господина Цзи, и в них отразилось смещение.

Тот опустил глаза и заметил, что, когда он выбивал даосу зубы туплей, мелкие брызги крови попали ему на одежду.

— Напугал тебя? — Цзи Хуайчжэнь с привычной улыбкой попытался взять Яньчи за руку. — Пойдём, поможешь мне переодеться. После обеда прогуляемся. Мы и так засиделись в Фэньчжоу, пора двигаться дальше.

Он сжал ладонь юноши, но, не дожидаясь расспросов, мгновенно сменил маску. Стоило ему отвернуться, как улыбка тут же сползла с его лица.

Окутанный мрачными мыслями, он гадал: почему этот мальчишка смотрит на него так?

«Почему этот мальчишка смотрит на меня так? — гадал Хуайчжэнь. — Неужели, увидев, как далёк настоящий Лу Ши от того идеала, что он себе навоображал, Яньчи уже пожалел о своей привязанности?»

В комнате повисла тяжёлая тишина. Яньчи молча помог ему сменить одежду. Видя, что господин Цзи не в духе, он не стал поминать Лу Сяоцзя. Наконец Хуайчжэнь не выдержал:

— Хочешь спросить — спрашивай. Хватит кривить лицо, будто я тебя обидел.

Яньчи поднял на него глаза:

— Ты часто делаешь... подобное?

Он вспомнил крики даоса, которые были слышны даже в конце длинного коридора. Трудно было представить, какие ужасы творились за закрытой дверью.

— Видно, что в пытках ты большой мастер.

— И что с того?

Их взгляды встретились, и Хуайчжэнь снова уловил в глазах Яньчи ту самую жалость, которую он так ненавидел. Он не был настолько глуп, чтобы верить, будто эта жалость предназначена

ему самому.

Он знал: когда Яньчи поймёт, кто перед ним на самом деле, в этих глазах останется лишь презрение.

— Если я иду к цели напролом — тебе-то что? Опять заведёшь свою шарманку о милосердии? Или вспомнил, что люди болтают о Цзи Хуайчжэне, и вдруг понял, что я ничем не лучше? Думаешь, будь на моём месте этот подлец Цзи, этот болтливый колдун отделался бы легче?

Цзи Хуайчжэнь больше не мог сдерживать ярость. Слова его стали острыми и ядовитыми. Он шаг за шагом наступал на Яньчи, распаясь то ли от собственного гнева, то ли от этого невыносимого взгляда юноши.

— Я не это имел в виду! Этот даос вёл себя подозрительно, ты в своём праве. Как можно сравнивать тебя с этим мерзавцем Цзи? Даже если ты совершаешь те же поступки, у тебя наверняка есть веские причины. Зачем ты так порочишь себя? Я ведь... я просто беспокоюсь о тебе.

В порыве чувств Яньчи схватил его за руку, готовый сердце своё вырвать, лишь бы тот поверил. Он проклинал своё косноязычие — надо же было так глупо помянуть этого проклятого Хуайчжэня!

Но от его неумелых объяснений тот разошёлся ещё сильнее.

Цзи Хуайчжэнь рассмеялся — зло и горько. Его до глубины души поражало: неужели этот слепец Яньчи видит только лицо?

«Неужели этот слепец Яньчи видит только лицо? — с горечью размышлял он. — Почему, когда одно и то же делает Хуайчжэнь — это преступление, а когда Лу Шии — это "вынужденная мера"? Неужели я, Цзи Хуайчжэнь, рождён ущербным в глазах этого мира?»

— Убирайся... Я всегда так поступаю. Если не любо — проваливай! И не вздумай мне указывать. Я годами так живу, и если ты думаешь, что одна проведённая ночь даёт тебе право распоряжаться моей судьбой, то ты глубоко ошибаешься!

Лицо господина Цзи позеленело от ярости, он властно указал на дверь.

Они замерли друг против друга. В Яньчи тоже вскипело упрямство. Выпрямившись, он с потемневшим лицом направился к выходу.

Хуайчжэнь тут же смахнул со стола чайник, который с грохотом разлетелся на куски. Он уже хотел позвать стражу, чтобы те связали наглеца и вышвырнули вон, но юноша вдруг резко развернулся и зашагал обратно.

Он замер перед Цзи Хуайчжэнем, тяжело дыша. Его глаза покраснели от гнева, а крепкая фигура в этот миг казалась по-настоящему угрожающей.

Но разве Цзи мог отступить? Он тут же вперился в него ответным взглядом. Он был ниже ростом, но в его осанке было столько высокомерия, что это нивелировало любую разницу.

— Чего вылупился? В чём я не прав? Ударить меня вздумал?

— Ты...

— Что «ты»? Что «я»? Заикаешься, слова вымолвить не можешь... Только в постели от тебя и есть прок!

Яньчи вспыхнул, грудь его тяжело вздымалась. Видно было, что он в ярости, но спорить не умеет. Внезапно он крепко сжал щёки Хуайчжэня одной рукой, притягивая его к себе.

Тот опешил от такой дерзости.

В одно мгновение всё величие Тайфу испарилось. Его губы, сжатые пальцами Яньчи, смешно выпятились, он не мог даже пошевелиться, лишь яростно сверкал глазами. Хуайчжэнь уже собрался с силами, чтобы сбросить захват, но в этот момент Яньчи резко приклонился к нему и с силой впился в его губы зубами!

Боль пронзила Хуайчжэня до самого сердца!

Этот щенок посмел укусить его!

Но Яньчи не остановился. Словно войдя во вкус, он осмелел и сделал то, чего жаждал всю прошлую ночь, но на что не получал позволения — он целовал его исступлённо, жадно, проникая в самую глубину. Лишь когда оба окончательно запыхались, он отстранился и, глядя на господина Цзи так, будто это его самого смертельно обидели, выдохнул:

— Каждое твоё слово — ложь.

Хуайчжэнь замер.

— Что значит — «всего лишь одна ночь»? Как ты можешь говорить такие ранящие вещи?

— Я... — выдавил Хуайчжэнь.

— Я к тебе как к святыне отношусь, пылинки сдуваю! Кто здесь собрался тобой помыкать? Кто

тебя бить хотел? Почему ты так издеваешься надо мной?

Хуайчжэнь молчал.

Эти три вопроса, заданные один за другим, мгновенно погасили пожар в его душе.

Он в смятении вытер губы рукавом и украдкой покосился на Яньчи, не в силах понять, что за странное чувство шевельнулось в груди. Прежде, если бы кто-то посмел не то что укусить — просто коснуться его губ без спроса, он бы живым с него кожу содрал. Но с этим мальчишкой всё было иначе. После его укуса и этой гневной отповеди на душе у Хуайчжэня стало на удивление спокойно.

С одной стороны, он думал, что Яньчи совсем отбился от рук — какая наглость, пользуется его расположением! С другой же стороны, он вдруг понял: юноша вовсе не косноязычен, ему просто нужно время, чтобы решиться.

Хуайчжэнь стоял в оцепенении, позабыв о недавнем гневе. В голове его всё перепуталось.

— Ты... и впрямь разозлился? — пробормотал он.

Яньчи ничего не ответил. Слова о «всего лишь ночи» всё ещё жгли его сердце. Развернувшись, он вышел вон.

Хуайчжэнь резко обернулся и закричал в открытую дверь:

— Вы что, оглохли там все?! Не слышали, какой шум в комнате?! Остановите его немедленно!

Но верные стражники лишь понижали головы, делая вид, что ничего не слышат. Когда Яньчи проходил мимо, они почтительно расступились, давая ему дорогу.

Оставшись один, Хуайчжэнь в сердцах принялся крушить всё, что попало под руку. Но стоило ему коснуться места, где его укусил Яньчи, как он, вопреки здравому смыслу, бросился вдогонку.

— Похоже, это ты у нас, мать твою, святыня... — проворчал он себе под нос.

<http://bllate.org/book/15318/1372646>